

АННА БЕСТОВА

**Дикий
Мороз**

Я растоплю твое сердце

Анна Бестова

**Дикий мороз. Я
растоплю твое сердце**

«Автор»

2026

Бестова А.

Дикий мороз. Я растоплю твое сердце / А. Бестова — «Автор»,
2026

Мороз был такой сильный. Машина заглохла на трассе "смерти", шансы на спасения нулевые... Наверное, я бы умерла, если бы... не он. Когда он спас меня, я не могла остаться в стороне и решила, что тоже должна растопить его заледеневшее сердце. Основано на реальных событиях

© Бестова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Анна Бестова

Дикий мороз. Я растоплю твое сердце

ПРОЛОГ

Якутия. Трасса «Удачный – Мирный». Февраль 2026 года.

Минус пятьдесят два. Это не просто цифра. Это приговор, который выносит тебе воздух, стоит лишь шагнуть за порог. В Якутии его называют «диким морозом». Он не просто морозит – он кусает. И этот укус смертельный. Лютый холод пробирается под пуховик, под свитер, под кожу, добирается до костей и начинает их медленно превращать в лед.

Натали Песцова смотрела на заклинившую панель приборов старенького «УАЗа» и чувствовала, как паника липкой, холодной волной поднимается от желудка к горлу.

– Ну, давай, милый... ну пожалуйста... – прошептала она, пересохшими губами, поворачивая ключ зажигания. Стартер издал звук, похожий на предсмертный хрип, и умолк. Фары, которые еще минуту назад выхватывали из кромешной тьмы бесконечную белую пустыню, начали гаснуть. Сначала одна, потом вторая. Свет умирал вместе с надеждой.

– Нет! Нет, нет, нет!!!

Молодая женщина ударила ладонями по рулю, но руль был холодным, как кусок арматуры. Водитель, Николай, пожилой якут с лицом, изрезанным морщинами, будто русло высохшей реки. Он сидел неподвижно, откинувшись на спинку сиденья. Его глаза были закрыты.

Она понимала, что это может означать, но все еще надеялась на хороший исход.

– Николай Семенович? – Натали потрясла водителя за плечо. Толстая ткань куртки не давала почувствовать тепло, а его и не было. – Николай Семенович, очнитесь! Нам нужно вызвать помощь! Связи нет! Что, черт возьми со связью?!

Она уже осознала, что мужчина не откроет глаза. Знала, но отказывалась верить. Еще десять минут назад он пожаловался на боль в груди, сказал, что «что-то прихватило», и попросил остановиться. «Духота», – пожаловался якут. Духота при минус пятидесяти. Он вышел из машины, сделал пару шагов в сторону сугроба, схватился за сердце и упал. Натали выскочила следом, пыталась его поднять, но он был невероятно тяжелым, а ледяной воздух обжигал легкие так, что она не могла вдохнуть полной грудью.

Ценой невероятных усилий она втащила его обратно в кабину. Теперь водитель сидел здесь, в этой ледяной консервной банке, а его сердце, судя по всему, остановилось еще тогда, на улице.

– За что мне все это?! – простонала женщина. – Стоп! Соберись! Ты должна выжить!

Натали включила аварийку. Оранжевые огоньки замигали, но с каждой секундой делали это все тусклее. Аккумулятор садился на глазах.

– Помогите... – хрипло прошептала она, глядя в лобовое стекло. За ним не было ничего. Только черная, беззвездная ночь и белая мгла, поднимаемая ветром. Трасса более 400 км. Смертельно опасная дорога вдоль реки Танхой тянулась на сто километров, где, по слухам,

даже олени сбиваются в кучу, чтобы выжить. Если тут застрянешь... это конец, замерзает даже бензин.

Натали схватила телефон. Сети не было. Ни одной палочки. Это была зона молчания. Или... авария. Впрочем, уже не важно. Главное, что вызвать спасателей не получится, да и когда они приедут? К тому времени уже некого будет спасать.

Прошло двадцать минут. Или час? Время в холоде теряет очертания. Натали начала дрожать. Сначала мелко, потом крупно, всем телом. Она натянула на голову капюшон, застегнула молнию до самого верха, но холод уже поселился внутри. Он обнимал ее ледяными руками, шептал на ухо, что можно просто закрыть глаза. Всего на минуточку.

– Нет! – крикнула она вслух, и голос прозвучал глухо, словно в вате. – Я не усну. Я не буду спать.

Ну и время она выбрала для поездки! Нет, чтобы дождаться утра! Тогда бы она опоздала на работу, хотелось произвести хорошее впечатление. Все же ее первый рабочий день... А теперь... Нужно было прежде всего думать о собственной безопасности, а не бросаться в путь сломя голову ночью. За все время они не встретили ни одной попутки.

Она вспомнила слова местных: «Если сломался на трассе зимой – не жди, разжигай костры. Ты можешь продержаться некоторое время в ожидание проезжих машин. Два часа. Максимум. При условии, что ты сожжешь все, что горит».

У них в машине была запаска, какие-то тряпки, канистра с остатками бензина.

Ведь костер – это дым, который может послужить сигналом. Но кто ее увидит в этой глуши ночью? Если только случится чудо.

– Действуй, Натали! – приказала себе женщина и достала спички из кармана водителя, мысленно поздравив себя с тем, что Николай Семенович иногда злоупотреблял сигареткой-другой.

Пока она собирала весь хлам в кучу, невольно думала о своей жизни. О Москве, о том, как мечтала найти кимберлитовую трубку, стать крутым геологом. О том, как устала от одиночества, от неудачных романов, от мужчин, которые оказывались пустышками. Она приехала сюда, в столицу алмазного края, чтобы начать все сначала. И вот – финал. Глупый, нелепый финал.

– Значит, вот как это заканчивается... – резюмировала она, и слеза, скатившись по щеке, мгновенно превратилась в кристаллик льда.

Прошло еще немного времени. Холод стал невыносимым. Он жалил пальцы ног, сжимал виски раскаленными тисками, выкручивал суставы.

Стоило ей разжечь огонь...

Как вдруг в белой мгле вспыхнул свет.

Яркий, режущий глаза луч. Он прорезал тьму, ударил по стеклам, заставив Натали зажмуриться.

«Это галлюцинация. Игра умирающего мозга», – мелькнула мысль.

Но свет приближался. Рокот мощного двигателя, низкий и уверенный, вибрировал в промерзшем воздухе. Звук был настолько реальным, что Натали застонала. Неужели чудо свершилось?

– Я не умру... – губы уже не слушались.

Рядом с заглохшим «УАЗом» остановился огромный, заляпанный снегом внедорожник. Дверь открылась, и в лицо Натали ударил поток теплого воздуха из салона. Это было настолько контрастно, что она едва не потеряла сознание.

На дороге, в свете фар, возник силуэт мужчины.

Высокий. Плечистый. На нем была тяжелая парка песочного цвета, меховая шапка, надвинутая на лоб. Лицо жесткое, словно высеченное из камня: четкие скулы, острый, пронзительный взгляд голубых глаз. Трехдневная щетина покрывала щеки. Волосы, выбившиеся из-под шапки, были странного пепельного цвета — то ли седые, то ли просто выгоревшие на северном ветру.

Он не стал ничего спрашивать. Просто подошел к замершей машине, дернул ручку водительской двери. Замок поддался с трудом, с металлическим скрежетом.

– Он умер... – кивнув в сторону водителя, тихо сообщила Натали. – Стало плохо в дороге...

Сергей Андреевич Зверев, главный инженер Мирнинско-Нюрбинского ГОКа, возвращался с дальнего участка. Он видел многое: и обмороженных, и замерзших, и сошедших с ума от «белого безумия». Но то, что он увидел сейчас, заставило его сжать челюсти.

Молодая красивая женщина. Глаза огромные, черные, полные ужаса и уже почти безразличия. Она смотрела на него, но, казалось, не видела. А рядом – тело, мертвое и безжизненное.

– Ясно.

Сергей быстро оценил обстановку. Пульса у водителя нет. Тело остыло. Хвала небесам, женщина еще жива, но находится на грани обморожения.

– Ка-а-к-к хор-р-рошо... что... – она не могла говорить, челюсти свело от холода.

– Так, – сказал он глухо, голосом, привыкшим отдавать команды в шахте. – Слушай меня внимательно. Идти можешь?

Натали попыталась пошевелиться, но тело не слушалось. Она лишь мелко задрожала, готовая упасть в любую секунду.

– Я... я не... – губы шевелились с трудом, слова выходили рваными.

Сергей не стал больше ждать. Он наклонился, подхватил ее на руки. Она была легкой, как пушинка, но холодной, как лед. Запах мороза ударил ему в нос. Он быстро понес ее к своему джипу чувствуя, как она пытается вцепиться пальцами в его куртку, но силы уже оставляли ее.

Мужчина открыл заднюю дверь, положил ее на сиденье, укрыл пледом, который всегда лежал в машине.

– Не спи, – резко бросил он незнакомке, заметив, как ее веки тяжелеют. – Слышишь? Смотри на меня!

Он захлопнул дверь и вернулся к «УАЗу». Быстро обыскал салон, забрал женскую сумку с документами, рюкзак. На водителя он лишь взглянул мельком. Царствие небесное. Здесь уже ничем не поможешь. В таких условиях тело придется оставить до утра, пока не придет МЧС.

Вернувшись в машину, он включил печку на полную мощность. Тепло хлынуло на замерзшую девушку.

Натали медленно приходила в себя. Тепло отдавалось болью. Кровь снова побежала по венам, иглами покалывая кончики пальцев. Она смотрела на профиль мужчины, который сидел за рулем и уверенно вел машину сквозь белую мглу.

– Он... мы его бросили? — поинтересовалась она чужим голосом.
Сергей не отрывал взгляда от дороги.

– Да, – ответил он коротко. – Ему все равно уже не помочь. Сердечный приступ скорее всего... Это здесь частое явление. Север жесток и суров.

Повисла пауза. Только гул мотора и вой ветра за окном.

– Спасибо, – выдохнула она, чувствуя, как горло сжимается от спазма.

Сергей бросил на нее быстрый взгляд. В нем не было тепла, но было что-то другое. Какая-то тяжелая, застарелая боль, спрятанная очень глубоко.

– Не благодари, – отрезал он. – Я довезу тебя до Мирного. Там медики. Но запомни, девочка: здесь нельзя расслабляться. Это Сибирь. Здесь можно только выживать.

Он прибавил газу, и внедорожник понесся по трассе, разрезая фарами тьму и «дикий мороз».

Натали закрыла глаза, чувствуя, как тепло от печки постепенно возвращает ее к жизни. Она не знала, кто этот человек. Но почему-то от его присутствия рядом она впервые за последние годы почувствовала себя в безопасности.

ГЛАВА 1

Дорога до Мирного занимала обычно около четырех часов. Остаток пути должен был занять не более часа. В такую погоду – непредсказуемо. Сергей вел автомобиль молча, сосредоточенно вглядываясь в белую мглу. Метель усилилась. Трасса превратилась в узкий коридор между двумя стенами снега, и если съехать хоть на сантиметр в сторону – можно было намертво застрять в перемете.

Он то и дело бросал взгляд в зеркало заднего вида.

Девушка спала. Точнее, проваливалась в сон, борясь с ним из последних сил. Он видел, как ее голова клонится к плечу, как она вздрагивает, открывает глаза, снова закрывает. Плед сполз до колен.

– Эй, – окликнул он. – Не спать.

Незнакомка не ответила. Дыхание стало ровным, глубоким. Веки сомкнулись окончательно, ресницы слиплись от влаги, которая еще недавно была слезами. На ресницах остался иней – крошечные кристаллики льда, которые не успели растаять в тепле салона.

Сергей сжал руль сильнее. Так нельзя. При общем переохлаждении сон – это первый шаг к коме. Он знал это наизусть. Знал по инструкциям, по курсам первой помощи, которые повторяли на комбинате каждый год. Знал по личному опыту.

Он потянулся назад, тряхнул молодую женщину за плечо:

– Проснись! Слышишь? Тебе нельзя спать!

Она что-то пробормотала, но глаз не открыла. Только плотнее закуталась в плед, подтянула колени к груди, как ребенок. Такая маленькая и беззащитная, потерянная, в чужой машине, на краю света.

Сергей выругался сквозь зубы.

Остановиться? Начать растирать девчонку, тормозить? Но до города еще далеко, а в машине тепло. Может, если он просто довезет ее до больницы, там врачи разберутся? Там есть все. По крайней мере, там есть люди, которые знают, что делать.

Он уже почти решил ехать в центральную клинику Мирного. Прямо к приемному покою. Но когда он бросил взгляд на лицо девушки – бледное, осунувшееся, с темными кругами под глазами, – что-то в груди сжалось.

Он вспомнил.

Другое лицо. Другие глаза. Жена. Катя. Она тоже спала тогда. Просто спала, а он сидел рядом, держал за руку и верил, что это просто сон. Что она проснется.

Не проснулась.

Сергей тряхнул головой, отгоняя наваждение. Нет. Не сейчас. Об этом не стоит думать.

Он снова взглянул в зеркало. Девушка спала крепко, но дышала. Грудь под пледом поднималась и опускалась. Жива. Пока жива.

«Сколько она провела времени на холоде? – подумал он. – Она находилась там довольно долго, судя по состоянию... Если бы я не проезжал мимо...»

Он не стал додумывать. Просто нажал на газ.

В Мирный они въехали около трех ночи. Город спал, утопая в снегу. Редкие фонари отбрасывали желтые пятна света на дорогу, дома стояли черными силуэтами с редкими горящими окнами. Мороз здесь, в городе, казался еще злее – он звенел в воздухе, хрустел под колесами, сковывал все вокруг.

Сергей проехал мимо центральной больницы. Не остановился.
Сам не понял почему. Просто не остановился и все тут.

Он жил на окраине, в небольшом двухэтажном доме, построенном еще в восьмидесятых для инженеров комбината. Дом был старый, но крепкий – бревенчатый, с толстыми стенами, с печкой, которую он топил каждый вечер. Здесь всегда было тепло. Даже в самые лютые морозы.

Мужчина заглушил двигатель во дворе и обернулся.

Девушка спала. Тихо, почти безмятежно. Иней с ресниц растаял, щеки немного порозовели. Она выглядела... живой. Просто уставшей. Спящая Красавица...

Сергей вышел из машины, и мороз ударил его по лицу, как пощечина. Он быстро обошел внедорожник, открыл заднюю дверь. Холодный воздух ворвался в салон, и девушка вздрогнула, что-то пробормотала, но не проснулась.

– Ладно, – сказал он сам себе. – Ладно.

Мужчина подхватил ее на руки. Молодая женщина была легкой, почти невесомой. Голова упала ему на плечо, волосы – темные, шелковистые – рассыпались по его куртке. Он внес ее в дом, ногой закрыл дверь. В сенях было прохладно, но уже в комнате – тепло. Печка, которую он затопил еще утром, держала жар.

Сергей положил свою драгоценную ношу на диван, аккуратно снял с девушки сапоги и укрыл вторым пледом.

Несколько секунд постоял, глядя на нее сверху вниз.

Кто она? Откуда? Почему оказалась на трассе ночью, с водителем, которому так не к стати стало плохо? Вопросы были, но задавать их было некому. Документы он забрал – паспорт, какие-то бумаги с печатями. Геолог. Натали Песцова. Тридцать лет. Москва. Не замужем... Да, печати не стояло...

И зачем он заглянул на эту страницу паспорта?

Сергей прошел на кухню, поставил чайник. За окном выл ветер. Мороз крепчал – к утру обещали минус пятьдесят пять.

Когда чайник закипел, он вернулся в комнату. Девушка спала все так же крепко. Дыхание ровное, глубокое.

Мужчина немного успокоился... Она не умрет. Просто отогреется, выспится. Утром он отвезет ее в больницу, потом в управление, поможет с документами, с жильем. Она приехала работать – значит, у нее есть направление, есть контакты. Он все решит, но это все потом. Самое страшное позади.

Сергей сел в кресло напротив дивана с гостьей, не зажигая света. Его было достаточно от камина. В темноте было слышно только потрескивание дров и дыхание спящей девушки.

Он смотрел на нее и думал о том, что впервые за три года в его доме – женщина. И что это ничего не значит. Просто случайность. Просто человек, которому нужна была помощь. Ведь именно так оно и было. Но все же... это молодая женщина...

Мужчина закрыл глаза.

«Не думай. Просто не думай».

Натали проснулась от тепла. Это было странное чувство – после холода, который, казалось, поселился в костях навсегда, вдруг почувствовать, как тепло окутывает со всех сторон.

Она лежала на чем-то мягком, укрытая тяжелым пледом, и слышала потрескивание поленьев в камине.

Она открыла глаза.

Незнакомый потолок. Деревянные балки. Тусклый свет из окна...

«Утро? Или уже день? За окном было серо, снег залепил стекло, но сквозь него пробивался свет.

Она попыталась сесть. Тело слушалось плохо, мышцы ломило, пальцы покалывало. Но она была жива. И ей было тепло.

– Очнулась.

Голос раздался откуда-то слева. Натали вздрогнула, обернулась.

Он сидел в кресле. Тот самый мужчина, который ее спас. В руках – кружка, от которой поднимался пар. Он смотрел на нее внимательно, без улыбки, но и без враждебности.

– Где я? – голос молодой женщины был хриплым, как после долгого крика.

– У меня дома, – непринужденно ответил он. – Ты спала двенадцать часов. Я не стал тебя будить.

Она сглотнула. Горло саднило. Не хватало еще заболеть, так и не появившись на новой работе... Хотя... наверное следует радоваться тому, что осталась в живых.

– А... больница?

– Ты не в больнице, – хозяин дома поставил кружку на стол, поднялся. – Я не повез тебя туда. Решил, что сначала ты должна согреться. И выспаться. А потом уже врачи, если понадобится...

Он подошел ближе, и Натали инстинктивно вжалась в диван. Что не осталось незамеченным. Мужчина остановился.

– Не бойся, – попросил он ровно. – Я не сделаю тебе ничего плохого. Меня зовут Сергей Андреевич Зверев. Можно просто Сергей.

Натали посмотрела на него внимательным, изучающим взглядом. Высокий, плечистый, с этим странным пепельным волосом, с жесткими скулами. Глаза голубые, почти серые, холодные, но не злые. Просто уставшие. Очень уставшие.

– Натали, – прошептала она. – Натали Песцова. Геолог. Я приехала...

– Знаю, – неожиданно перебил он. – Документы я посмотрел. Ты приехала работать. В «Алросу», в геологоразведку. Я знаю, кто тебя ждал. Утром позвоню, скажу, что ты у меня. Тебя заберут.

Мужчина замолчал. Натали тоже не знала о чем говорить. Оказывается он порылся в ее сумке... Стоило бы наверное высказать свое недовольство по этому поводу. Но это человек спас ее жизнь...

В комнате стало тихо, только поленья потрескивали. Было уютно и безмятежно, как бы странно это ни звучало...

– Водитель... – начала было она.

– Я сообщил, куда следует, – ответил Сергей. – Как только мы приехали. Его найдут. Сообщат родным... Он был хороший мужик, Николай. Я его знал.

Натали закрыла глаза. Перед внутренним взором снова возникло морщинистое лицо – спокойное, с закрытыми глазами, в свете умирающих фар. Она не заплакала. Слез не было. Только пустота. Север такой... Ее предупреждали. А она взяла и... поехала наперекор всем уговорам.

– Спасибо, – сказала она тихо. – За то, что не оставил.

Сергей ничего не ответил. Просто взял со стола кружку и протянул ей.

– пей. Это чай с травами. Не отравишься.

– Да я и не думала... о подобном, – она натянуто улыбнулась.

Девушка взяла кружку. Пальцы еще плохо слушались, но тепло от керамики было приятным. Она сделала глоток. Горьковато, но приятно на вкус. В груди тут же потеплело...

– Я не понимаю, – призналась Натали, глядя в кружку. — Почему вы не отвезли меня в больницу?

Сергей молчал довольно продолжительное время. Потом, наконец, ответил:

– Потому что ты бы там замерзла. В приемном покое холодно. Врачи заняты. А у меня камин, отопление. И плед. И чай. В общем... Я взвесил все за и против.

Он не сказал главного. Не сказал, что когда он смотрел на ее спящее лицо, то вспомнил другую женщину. Не сказал, что не смог оставить ее одну в казенной палате, среди чужих людей в белых халатах. Не сказал, что хотел убедиться, что она дышит. К тому же... состояние потерпевшей оказалось не столь серьезным, как он решил изначально.

Просто не сказал.

Натали подняла глаза на собеседника. И впервые за долгое время – может, за годы – почувствовала что-то, чему не могла дать объяснение. Не благодарность. Не страх. Нечто иное. Что-то, от чего сердце сжалось, а потом забилося чаще.

– Я вам мешаю, – решила она. – Я могу уехать. Прямо сейчас. Нет смысла вас стеснять и... злоупотреблять вашей добротой. Вызовите такси.

– Такси? – он усмехнулся, впервые за все время. Уголок губ его дрогнул. – В минус пятьдесят пять? Серьезно?! Ты оптимистка однако.

Он подошел к окну, выглянул за штору.

– Метель. Дороги перекрыты. Так что ты застряла здесь. Как минимум до завтра, как максимум... на неделю.

Он обернулся. Посмотрел на нее внимательно.

– Есть будешь?

Натали собиралась сказать нет. Хотела сообщить, что не голодна, что ей нужно позвонить, что она должна найти жилье. Еще, что у нее работа, что она не может просто сидеть здесь, в доме незнакомого мужчины, пить его чай и есть его еду. Но желудок предательски заурчал. Да так громко. В тишине комнаты это прозвучало довольно пугающе.

Она смущенно опустила глаза, не зная куда деться.

Сергей снова усмехнулся. Почти незаметно. Но Натали уловила его эмоции на каком-то подсознательном уровне и поспешила снова укутаться в плед.

– Понятно, – проговорил хозяин дома. – Сейчас все принесу.

Он ушел на кухню. Натали осталась одна. Воспользовавшись его отсутствием, она огляделась по сторонам.

Дом был простым, но уютным. Деревянные стены, старый диван, кресло, камин. На стенах – фотографии.

Она присмотрелась. На снимках тот же мужчина, только моложе. Рядом – женщина. Красивая, светловолосая, с счастливой улыбкой. И двое детей. Мальчик и девочка.

Натали отвела взгляд.

Он женат. Впрочем, это и так очевидно. Взять в расчет возраст и... харизму. Такие мужчины не бывают одинокими.

Полено треснуло, выпуская искру. Натали вздрогнула, будто ее поймали на чем-то сличным, отвернулась от семейных фотографий и плотнее укуталась в плед.

Да какая ей разница, женат он или холост? Ее это совершенно не касается и не должно заботить. Разве что... как Сергей собирается объяснить своим родным присутствие в его доме посторонней молодой женщины... Но ведь... они ничего плохого не делают? Почему и зачем тогда что-либо объяснять?

Сергей вернулся с тарелкой. На ней – куски мяса, вареная картошка, соленые огурцы. Запах маринада ударил в нос, и Натали поняла, что проголодалась как никогда в жизни.

– Оленина, – сообщил он, ставя тарелку перед ней на маленький столик. – Местная еда. Ешь. Это вкусно.

Натали взяла вилку. Руки все еще дрожали, но она справилась. Первый кусок – теплый, мягкий, с легким привкусом соли. Она закрыла глаза от удовольствия.

– Ну как?

– Вкусно, – прошептала она.

Сергей не ответил. Он снова сел в кресло, взял свою кружку. И молча смотрел, как она ест.

Он не знал, что будет дальше. Не знал, зачем привез ее сюда, вместо того чтобы отвезти в больницу. Точнее, он уже придумал этому логическое объяснение, осталось только в это поверить самому. Еще он не знал, почему сразу не позвонил кадровику, как только приехал. А что толку? Все равно все по домам сидят...

Но он осознал одно: впервые за три года в его доме казалось не так пусто. И это пугало его больше, чем любой мороз.

А за окном выл ветер. Никто не знал, когда температура пойдет на повышение... Когда стихия отступит.

ГЛАВА 2

Натали доела все. До последнего кусочка. Отставила пустую тарелку и только теперь почувствовала, как ее снова клонит в сон – тяжелого, вязкого, как болото. Тело, снова требовало отдыха.

Сергей забрал тарелку, ушел на кухню. Она слышала, как звенит посуда, как льется вода из крана. Обычные звуки. Домашние. Странно было слышать их здесь, в чужом доме, в чужой жизни, за тысячи километров от всего, что она знала.

Мужчина вернулся, вытирая руки о полотенце.

– Тебе нужно еще поспать, – проговорил он, и это была не просьба. – Организм отогревается, тратит силы. Часа три-четыре. Потом поговорим.

– Я не хочу спать, – упрямо соврала Натали.

Мужчина посмотрел на нее. Долго рассматривал и словно пытаясь уличить во лжи... И в итоге выдал:

– Хочешь. У тебя глаза закрываются.

«Эх... Его не проведешь!» – вздохнула девушка.

Она сначала возразить, но не смогла. Веки и правда стали свинцовыми. Голова тяжелая, как после болезни.

– Хорошо, – сдалась она. – Только... можно я позвоню? Своим. Скажу, что жива. Меня, наверное, уже ищут.

Сергей покачал головой.

– Связи нет. Метель положила вышку. Еще вчера вечером. Как только я тебя привез – позвонил с городского телефона аппарата, сообщил куда надо. В геологоразведку. Сказал, что ты у меня дома, жива, здорова. За тобой приедут, как только дорогу расчистят. Успеешь еще на работу. Не переживай. Сейчас позаботься о здоровье. Это главное.

Она смотрела на него, не веря свои ушам.

– Вы... позвонили? Рассказали... Про меня? О том, что я у вас?!

Ей поплохело.

– А что я, по-твоему, должен был сделать? – он пожал плечами. – Держать тебя в подвале?

Впервые за все время в его голосе мелькнула ирония. Едва заметная, как трещина на льду. Натали невольно улыбнулась. Слабо, но улыбнулась.

– Спасибо, конечно... Но у вас... Не возникнет хм... проблем... из-за меня?

– Нет. Спи, — приказал он и добавил: – Я буду рядом.

Она хотела спросить, что значит «рядом». В той же комнате? В том же доме? Но не спросила. Просто закрыла глаза и провалилась в дрему.

Проснулась она от тишины.

Ветра не было. Метель стихла. За окном – серый, ровный свет. День. Или уже вечер? Часов не было видно.

Натали села. Тело слушалось лучше. Пальцы больше не покалывало, голова была ясной. Она поискала глазами хозяина дома.

Сергея в комнате не было. Но на столе стояла его кружка – пар от нее еще поднимался. Значит, он был здесь совсем недавно.

Девушка осторожно встала с дивана, ощутив легкое головокружение. Плед упал на пол мягко и бесшумно. Ноги были ватными, но держали. Она сделала несколько шагов, опираясь на стену. Дошла до окна.

За стеклом – белое безмолвие. Снег лежал толстым слоем на всем: на крышах соседних домов, на заборах, на машинах. Мир казался вымершим. Только дым из труб поднимался вверх – прямо, ровно, в морозном воздухе.

– Проснулась. – Прозвучало так неожиданно за спиной.

Она обернулась. Сергей стоял в дверях кухни. В руках – топор. На плечах – куртка, шапка сдвинута на лоб. Он только что вошел с улицы.

– Колю дрова, — сообщил он, будто это все объясняло. — Камин надо топить. Иначе к ночи замерзнем. Котел справляется, но... слишком холодно.

Простым привычным движением он снял шапку, бросил на тумбочку. Волосы стали влажными от снега, который тут же растаял в тепле. Пепельные. Все-таки седые. Или выгоревшие. Она так и не поняла. Но Сергея это не портило... В смысле седина. Он выглядел молодо и... мужественно. Эдакий северянин, которому даже мороз ни по чем.

– Который час? — поинтересовалась Натали.

– Четыре часа дня. Ты проспала шесть часов. Итого – восемнадцать. Нормально. Восстанавливаешься потихоньку.

Он прошел на кухню, поставил чайник. Натали осталась стоять у окна.

– Дорогу расчистили? – спросила она.

– Нет. Метель была сильная. До завтра точно восстановят движение. Может, до послезавтра. А возможно и...

Когда Сергей вернулся из кухни, посмотрел на нее с немим вопросом.

– Хм... – она невольно начала теребить озябшие пальцы, пытаясь вернуть им тепло.

– Так что ты застряла. Придется тебе терпеть мое общество.

Натали не знала, что ответить. Как бы... Это его дом и еще вопрос, кто кого вынужден терпеть.

Она украдкой посмотрела на его лицо – усталое, жесткое, с этим странным выражением, которое она не могла расшифровать. Он не был грубым. Не был приветливым. Просто был. Как стена, своего рода монолит. Как нечто, что просто есть, и все тут.

– Я вам мешаю, — поняла она.

– Мы уже это обсуждали, – ответил он небрежно. – И я уже заверил, что все хорошо. Не мешаешь.

Мужчина вернулся на кухню. Натали слышала, как он заливает заварной чайник кипятком, как расставляет посуду.

Потом он позвал:

– Иди сюда. Поешь.

Она пошла. Отказываться от еды – глупо. Даже если придется обедать в присутствии чужого мужа. Почему это должно ей портить аппетит?

Кухня была маленькой, но уютной. Стол у окна, две табуретки, газовая плита, старенький холодильник. На столе – хлеб, масло, банка с медом. И тарелка с тонко нарезанной рыбой.

– Муксун, – сообщил Сергей, кивнув на рыбу. — Местный деликатес. Ешь, не стесняйся.

Натали присела. Взяла кусок хлеба, намазала маслом. Положила сверху рыбу. Откусила. Вкус был незнакомый – нежный, чуть сладковатый, с легким привкусом соли.

– Вкусно.

– Здесь все вкусное, – подметил Сергей, садясь напротив. – Если не отравишься. Муксун — сырой. Но это ничего. Якуты так едят. И я привык.

Он налил ей чай. Себе тоже. Они сидели молча, ели, пили. За окном было тихо-тихо. Реальность казалась какой-то нереальной, словно и ее заморозила метель.

Натали задумчиво рассматривала собеседника, стараясь это делать как можно незаметнее. Слегка отросшая щетина, четкие скулы, острый взгляд. Руки – большие, с длинными пальцами, с мозолями. Руки человека, который много работает. Не в офисе. На земле. Или под землей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.